

ОБРЕЧЁННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

В.Н. Порус

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Аннотация: Автор предлагает оценивать процессы и результаты деятельности философских шестидесятников через призму известной работы Э.В. Ильенкова «Об идолах и идеалах». Он считает, что философское возрождение было обречено на угасание, поскольку процесс возрождения философии был пропитан идеологией, которая играла значительную роль и определяла ход философских дискуссий. Многие шестидесятники считали себя более «праведными» марксистами-ленинцами, чем их идеологические надсмотрщики. Поэтому заимствования идей западной философии были эпигономством. Особенно это относится к исследованиям по социальной философии, где осколки прежней парадигмы долго соседствовали с элементами иной методологии и чужеродными аксиологическими «новациями».

Ключевые слова: субъективные впечатления о философском шестидесятничестве, причины и следствия мнимого возрождения советской философии.

Моё понимание того, что принято называть «философским шестидесятничеством»¹, субъективно – как свидетельство младшего современника. Я жил в это время, я его пережил, у меня своё к нему отношение. От имени так называемой исторической объективности выступать я не рискую.

Своё выступление я озаглавил «Обречённое возрождение». Почему *возрождение*, это объяснять не надо. «Шестидесятники... возродили отечественную философию после предшествовавших десятилетий её невообразимой идеологической вульгаризации» [Гусейнов 2005, 4–11], Действительно невообразимой: философия в нашей стране до этого периода напоминала картину, удручавшую пушкинского Руслана:

– О поле, поле, кто тебя усеял мёртвыми костями?

Мы знаем, кто усеял, что это была за битва. «Подавление философии, а затем подавление с помощью идеологизированной философии многих перспективных научно-исследовательских направлений имели губительные последствия как для самой философии, так и для научного знания в целом. Вся структура философского знания была искажена» [Огурцов 1998: 117]. Но авторы книги, откуда эта цитата, были уверены, что, когда давящая ослабела,

¹ «Это обозначение для группы людей, чьё рождение приходится на 30-е гг. (конец 20-х / начало 40-х). Это – самое знаменитое из наших поколений» [Михайлов 2022: 805].

из костей взошли побегии новой философии: птица Феникс доказала, что её смерть – предпосылка продолжения ее же жизни. Моё же утверждение: это возрождение было обречено на угасание, которое и последовало спустя пару десятилетий.

«Шестидесятники» пришли в философию после великой войны и после XX съезда КПСС. С этих рубежей они увидели новые перспективы всемирной истории, нуждавшиеся в философском осмыслении. Увидели в единственно тогда возможной для большинства из них оптике. Цель мирового развития, обозначенная марксовской философией истории, оставалась для них истинной и прекрасной, а кровавый путь к ней не мог предстать чередой ошибок и преступлений. Они понимали, что идолаи заслонили и осквернили идеалы. Но надо было исправлять ошибки, разоблачать преступления, очищать истину от налипшей лжи и грязи.

Отсюда порыв к аутентичности идеалов, искажённых и извращённых идолами. Порыв, скоро столкнувшийся с сопротивлением – идолаи не сдавали позиций и уже к концу 60-х перешли в контратаку. Ирония истории в том, что отражать контратаку «шестидесятникам» приходилось, заслоняясь идеалами, которые для идолов уже стали декорациями на сцене, где разыгрывалась драма истории. Неудивительно, что процесс возрождения философии был густо пропитан идеологией: о чем бы ни шла речь, пусть о самых отвлечённых проблемах, идеологическая подоплёка играла значительную роль и определяла ход философских дискуссий.

Однако «верность идеалам» все чаще становилась уязвимой позицией. В быстро меняющемся мире идеалы тускнели, плохо уживались с реальностью. Их смыслы подменялись пропагандистской шелухой, словесными симулякрами. А поиски аутентичности часто оборачивались паразитическим равнодушием к фундаментальным сдвигам в структуре реальности и в способах её постижения. Где-то в мире происходили попытки уловить и осознать эти сдвиги, хотя бы и в рамках, заданных классиками марксизма, но они встречались с недоверием, а то и враждебно – как признаки вырождения и ренегатства. Наверное, не будет преувеличением сказать, что многие из «шестидесятников» искренне считали себя более «праведными» марксистами-ленинцами, чем их надсмотрщики, отвечавшие за идеологию. Они действительно не желали поступаться принципами, в то время как командующие идеологическими фронтами давно видели в этих принципах только ширму, за которой скрывалось ясное стремление сохранить status quo, позволявший удерживать господство идолов.

Эта искренность и стала причиной последующего тупика. Деятели нового возрождения опирались (с разной мерой осознанности) на то, что перестало быть опорой. Когда же, почувствовав шаткость оснований, они пытались как-то их «отремонтировать» или найти иные основания, это приводило к кризису, затрагивавшему структуру личности, к психологическим надломам (часто получавшим гротескную форму).

Поиски направлений развития, как будто устремлённые в будущее, но опиравшиеся на безвозвратное прошлое, не могли быть успешными и были обречены на подмену. Через некоторое время развитие философских исследований стало насыщаться заимствованиями, проникавшими в них под видом критики «буржуазных» философских школ и тенденций. Эти заимствования иногда давали удачные результаты, а иногда выглядели как эпигонство. Особенно это сказывалось в исследованиях по социальной философии, где осколки прежней парадигмы ещё долго соседствовали с элементами иной методологии и чужеродными аксиологическими «новациями». Образующиеся трещины ещё кое-как можно было заделывать заклипаниями о «диалектических противоречиях», но недолго. Так, идея «свободного развития личности» как меры и цели общественного прогресса плохо уживалась со стратегией возрастающей зависимости личности от целокупности социального и государственного устройства – и с этим нельзя было справиться за счёт словесных ухищрений.

Ни половинчатая, ни даже решительная переориентация (даже если бы она была возможной!) на идейные арсеналы иных философских миров не меняли суть дела. Надо признать, что современная западная («буржуазная», как тогда было принято говорить) философия

фия также испытывала кризис и металась в поисках перспектив развития. В 60-е гг. уже всю происходила глобальная эвакуация философии из центра системы культурно-образующих идей, принципов и ценностей. Кое-где ещё шли арьергардные бои (студенческая революция 1968 года в Париже проходила под знаком деидеологизации мировоззрения, хотя в кричалках того времени идеологии было ещё достаточно). Но культура уже выползала из-под завалов идеологических клише и пыталась устроиться на принципах самоутверждения личности, предоставляя ей столько свободы, сколько она в силах вынести (понимая при этом, что свобода – тяжкий, едва выносимый груз). Сексуальная революция подменила собой социальную – этим многое было сказано в те годы.

Значительная часть философии стала усиленно имитировать науку, такой была почти вся аналитическая традиция. Философы убеждали сами себя и старались убедить других, что их штудии играют исключительную роль в науке и всей рациональной сфере культуры. Уже всю разгорались споры о рациональной природе мышления и его истории, уже была написана «Структура научных революций», кипели страсти вокруг понимания научного метода и опасностей его искажения иррациональными включениями. Все это заняло не только 60-е, но и последующие два десятилетия. В нашу страну отголоски этих споров также долетали. Поначалу они воспринимались скептически. Что такое были эти споры по сравнению с всеисильностью диалектики? Но постепенно они захватили часть философов, уже осознавших обречённость былого порыва к возрождению аутентичной философии классиков. Отечественная философия ещё пыталась найти себя в спорах диалектиков и формальных логиков (пасынков аналитической философии). А главное – в археологии мысли, целью которой было возвращение философии в центр культуры, но в очищенном от догматики и плесени словоблудия виде. Но это движение шло против течения общественной жизни, в которой выросло и укрепилось недоверие к основополагающим принципам и формулам, под которые уже нельзя было подогнать действительность.

Идолы одолевали идеалы. А без идеалов шестидесятники были не нужны. Они постепенно и сошли со сцены, уступив место «семидесятникам» и «восьмидесятникам», уже не вдохновлявшимся «возрожденческими идеями», да и не составлявшим какого-то значимого движения.

Гусейнов А.А. 2005. Н.В. Мотрошилова и философы-шестидесятники. – Мотрошилова Н.В. *Работы разных лет. Избранные статьи и эссе.* – М.: Феноменология-Герменевтика.

Михайлов И.А. 2022. Мифы наших поколений. – *Философские поколения* / Сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК.

Огурцов А.П. 1998. Подавление философии. – *Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: В 2-х кн.* / Под редакцией В.А. Лекторского. Кн. I. 20 – 50-е годы. – М.: РОССПЭН.